

МЭРИ ДЖО ПАТНИ

ОБЕСЧЕЩЕННАЯ
ЛЕДИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
П20

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Mary Jo Putney
ONCE DISHONORED

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*
Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Патни, Мэри Джо.

П20 Обесчещенная леди : [роман] / Мэри Джо Патни ;
[перевод с английского Н. Холмогоровой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-184042-6

Репутация леди Кенди Деншир загублена. Бывший муж, развратник и негодяй, опозорил ее, обманом добился развода через суд и отнял у нее сына. Светское общество не принимает Кенди и с удовольствием обсуждает за ее спиной возмутительные слухи о немыслимом разврате молодой женщины. Однажды на балу Кенди встречает еще одного изгоя.

Лорд Лукас Фокстон храбро сражался в Наполеоновских войнах, но был ранен и попал в плен. Сбежав из плена, он нарушил данное им слово и теперь также считает себя опозоренным. Проникнувшись симпатией к истории Кенди, Лукас предлагает ей помощь в восстановлении доброго имени леди.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Mary Jo Putney, 2020
© Перевод. Н. Холмогорова, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-184042-6

Глава 1

Лондон, март 1816 года

У дверей бального зала, откуда доносился грохот музыки, Лукас Мандевиль остановился, не решаясь войти.

Ему представился гром пушек, рушащиеся мачты и паруса в огне, яростные крики, стоны раненых, пистолетные выстрелы и звон скрещенных абордажных сабель. В дни службы в Королевском флоте он не раз встречался лицом к лицу с французами, а в одной из таких битв едва не погиб, и сейчас с куда бóльшим удовольствием оказался бы на горящей палубе, чем на балу.

Лукас дал себе слово сделать все возможное, чтобы восстановить свои позиции в обществе, сколько бы ни нашлось здесь тех, кто готов демонстративно его игнорировать, а то и делать что-нибудь похуже. Он обратился мыслями к своему единственному лондонскому сезону — в юности, когда был еще мичманом и только готовился к военной службе. В те времена он любил балы, обожал танцевать и флиртовать с хорошенькими девушками. Значит, сможет и теперь.

Придав лицу бесстрастное выражение, Лукас переступил порог. Хозяева, лорд и леди Клентон, приветствовали гостей. Леди дружелюбно улыбалась, а вот ее муж заметно напрягся, но по крайней мере в лицо не плюнул, даже чуть ли не любезно выдавил: «Добрый вечер, Фокстон», хоть руки и не подал. Возможно, держаться деликатно его уговорила жена, напомнив, что у Лукаса есть титул и значительное состояние, а у Клентонов — две незамужние дочери.

Вежливо поприветствовав хозяев, Лукас присоединился к толпе. Ему уже случалось бывать на вечерах у кузена Симона Дюваля и его жены Сюзанны, но для тех куда более камерных мероприятий гостей Симон и Сюзанна тщательно отбирали по признаку терпимости к Лукасу. Люди, которые посещали их вечера, понимали, что жизнь сложна и, кроме белого и черного, в ней встречается множество оттенков серого. Лукас как раз и обитал на этой серой территории.

Обнаружив взглядом кое-кого из тех, с кем встречался у Дювалей, Лукас раскланялся с ними, и ему ответили вполне дружелюбными поклонами. Что ж, уже неплохо.

Притоптывая в такт музыке, он наблюдал за танцующими. Сам Лукас не танцевал уже много лет; однако Сюзанна дала ему несколько уроков и даже устроила у себя ужин с танцами, чтобы помочь вспомнить забытые навыки. Во время танцев партнерши Лукаса со смехом прощали ему ошибки, и к концу вечера он уже чувствовал себя вполне уверенно.

Теперь настало время опробовать свои навыки на практике. Для начала Лукас пригласил на танец замужнюю даму, с которой познакомился у кузена: та согласилась, и вышло очень недурно; на следующий — знакомую женщину, с которой встречался у Дювалей, и тоже к взаимному удовольствию.

Долгий танец окончился, и партнерша, с улыбкой его поблагодарив, вернулась к мужу. Лукас оглядывался вокруг, прикидывая, с кем еще можно потанцевать, когда по бальному залу волной пронеслись изумленные вздохи, ахи и шепотки.

Обернувшись, он увидел, как через толпу решительным шагом идет дама в черном: гордо поднятая голова, расправленные плечи — ни дать ни взять королева, быть может, Клеопатра перед Цезарем, или Елизавета Великая, когда отправляла английский флот против всей мощи испанской армады, или Мария Стюарт перед казнью.

Наступила тишина, дрогнула и оборвалась музыка, а через мгновение с разных сторон послышался шепот.

— Как смеет она показываться в приличном обществе? — прошипела какая-то дама. — Разведенка! Прелюбодейка!

— Говорят, что леди Деншир переспала с четырьмя друзьями своего мужа за одну ночь, — в тон ей прошипела другая.

— С тремя, — поправила ее первая. — Мой муж был в суде и слышал их показания собственными ушами!

— Какой скандал! — закатила глаза третья дама. — Ну и бесстыдство!

Шепотки множились и нарастали, гости пятились, и, наконец, дама в черном осталась посреди зала одна.

Даже в тусклом свете свечей Лукас видел, что леди Деншир, высокая и стройная, с густыми темно-каштановыми волосами, невероятно хороша. В ее гордо поднятой голове, в повороте шеи можно было заметить не только собственное достоинство, но и гнев, готовность защищаться... и страх. В сущности, эта дама обладала теми же качествами, что и он сам: мужество в ней боролось со смятением и стыдом.

Она медленно обводила взглядом толпу гостей, словно выискивала хоть одно дружеское лицо: прекрасная, испуганная — и отчаянно одинокая.

Не раздумывая, словно подхваченный каким-то порывом, он пересек зал и улыбнулся даме в черном.

— Леди Деншир, я лорд Фокстон. Мы с вами, правда, формально не представлены друг другу, но все же, может быть, позвольте пригласить вас на танец?

Последние слова он сопровождал властным взглядом на квартет музыкантов. Скрипач кивнул с явным облегчением — наконец стало ясно, что делать дальше, — и зал наполнили звуки музыки.

Леди Деншир замерла, глядя на него, словно загнанный олень, готовый пуститься в бегство, и тихо спросила:

— Зачем вам это? У меня ужасная репутация.

— У меня не лучше, — ответил с улыбкой он. — И не для того я явился в этот мир, чтобы бросать камни в ближних. — Он протянул ей руку. — Пойдемте танцевать! И пусть все горит ярким пламенем!

Глава 2

Взглянув в глаза незнакомцу и не увидев подвоха, Кенди приняла его руку, возблагодарив Господа, что хоть в ком-то нашла не осуждение, а поддержку. Они закружились в танце, и, когда сквозь перчатки ощутила тепло его руки, она поняла, что ее собственные руки холодны как лед.

Зачем она пришла на этот бал? Хотела справедливости? Но здесь ее не найдешь. Она сосредоточилась на танце: ни к чему еще больше унизиться, споткнувшись или наступив партнеру на ногу. Ведь все взгляды были сейчас прикованы к ним.

— Знаете, я вспомнил, — заговорил лорд Фокстон. — Ведь мы с вами знакомы. Много лет назад, меня тогда звали Лукас Мандевилль, — а вас, если глаза меня не обманывают, Кенди Дуглас.

Подняв взгляд, она посмотрела на своего партнера повнимательнее: светлые волосы, правильные мужественные черты лица, очень необычное выражение глаз... как у святого, одолеваемого демоном. Не сразу она узнала в нем веселого молодого мичмана, с которым флиртовала в свой первый лондонский сезон.

Перед ней стоял много повидавший зрелый мужчина, которого основательно поносило по бурному морю.

— Помнится, мы с вами танцевали накануне вашего отъезда в Плимут, где вы должны были поступить на корабль.

Лукас кивнул и с улыбкой заметил:

— А вы были в чудесном платье с голубой вышивкой, и глаза ваши сияли как два сапфира.

Платье вспомнить Кенди не смогла, а вспомнила то, что мистер Мандевиль не особенно ее заинтересовал: она искала мужа, и для этой роли он был слишком молод и слишком увлечен предстоящей карьерой, но понравился, и она от души желала ему удачи.

— У вас хорошая память. А вы были просто очаровательны в своей юности и увлеченности, и я жалела, что вам надо было назавтра уезжать.

— Очарователен? Должно быть, просто потому, что очень молод. Много времени прошло с тех пор.

— Да, вы правы, — согласилась Кенди, глядя в сторону, затем добавила: — Насколько я поняла, вы унаследовали титул от деда. Неужели лорд не страшитесь запятнать себя танцем с такой скандально известной дамой, как я?

— Не думаю, что моя репутация лучше. — И он вдруг рассмеялся. — Что ж, видно, это судьба: давайте запятнаем друг друга?

Много лет назад Кенди нравился беззаботный мичман, но этот лорд, преследуемый своими демонами, пожалуй, просто очаровал ее. Напряжение куда-то исчезло, но все же она не могла не спросить:

— Вы знаете, в чем меня обвиняют?

Он пожал плечами:

— Когда вы вошли, по залу поползли шепотки, но не могу сказать что-то определенное.

Ее порадовало, что он не пересказывает сплетни, хотя наверняка их слышал.

— Знаете, каково это — когда тебя обвиняют в том, чего ты не делал, а ты не можешь выступить в свою защиту?

— Так сложилось, что знаю, — задумчиво ответил Лукас. — Наши с вами обстоятельства не одинаковы, но сходство определенно есть.

Но что могло сделать отверженным Лукаса Мандевиля? Он что, шулер? Нет, на это он не способен. Струсил в бою? Кенди допускала, что молодой неопытный воин на поле боя может поддаться страху, но все же трудно себе представить, чтобы такое случилось с Лукасом.

Впрочем, она почти не знала его в прошлом и уж тем более не знает сейчас, а значит, гадать нет смысла — лучше расслабиться и наслаждаться танцем в объятиях незнакомца, проявившего к ней участие.

Затихли последние аккорды, и Лукас с церемонным поклоном сделал шаг назад:

— Ну как, мы дали тему для новых сплетен? Потанцуем еще?

Она вздохнула. Гнев и желание отстоять себя испарились, оставив лишь пустоту.

— Достаточно. Здесь правда никому не нужна.

— О справедливости вообще не приходится говорить. Не только здесь, но и вообще в мире, — заметил

невесело Лукас. — Если вы готовы уйти, могу проводить вас до дома.

— Хотите узнать, насколько я бесстыдна? — прищурилась Кенди.

— Ни в коем случае! Как-то кузен назвал меня странствующим рыцарем и добавил, что это навсегда. Сейчас вы, быть может, слишком злы на весь мир, чтобы стремиться заводить друзей, и все же, как мне кажется, вам не помешает союзник или хотя бы непредубежденный слушатель.

Кенди задумалась над его словами. Союзник и вправду был бы очень кстати, но пока непонятно, может ли она ему доверять, а вот непредубежденный слушатель... да, ей отчаянно хочется поведать кому-нибудь, кто готов выслушать, свою историю.

— Вы правы, хотя я пока не готова решить, подходите ли вы на эту роль. Я остановилась здесь, неподалеку. В сопровождении не нуждаюсь, но буду рада, если вы составите мне компанию, если желаете, конечно.

— Именно этого я и желаю и стремлюсь доказать, что все еще джентльмен, а одинокой женщине ходить по ночным улицам опасно.

Опять зазвучал вальс, и пары начали выходить на середину зала, осторожно огибая Кенди и Лукаса. Он взял ее под руку и повел к выходу, где хозяйка просталась с другими уходившими гостями.

Увидев их, леди Клентон поджала губы, потом процедила:

— Леди Деншир? Что-то я не увидела вас в списке гостей.

— Леди Клентон, прошу прощения за то, что принесла с собой душок скандала.

Хозяйка нервно усмехнулась:

— Возможно, мне следует вас поблагодарить — легкий сквознячок скандала идет только на пользу подобным мероприятиям.

Она бесцеремонно отвернулась и заговорила с другим гостем.

Фокстон вывел Кенди в вестибюль, где проворный лакей подал ей черную накидку, а ее спутнику — шляпу. Одевшись, она вновь приняла руку Фокстона, и они вместе вышли за ворота.

— Где вы живете? Вы сказали, где-то неподалеку.

— В Торсей-хаусе. Это возле церкви Сент-Джеймса, в трех кварталах отсюда, — ответила Кенди, удивляясь тому, как легко и свободно чувствует себя рядом с этим, в сущности, чужим мужчиной. Это из-за старого знакомства или потому, что он не осуждает ее, не насмехается, не презирает? Возможно, дело и в том и в другом.

Фокстон шагал с ней рядом как настоящий офицер — с военной выправкой, гордо, внимательно глядя по сторонам. Ясно было, что голыми руками его не возьмешь. Кенди не боялась ходить по ночам в этой части Лондона, но сейчас крепкий спутник не помещает.

— Торсей... — повторил он задумчиво. — Это, кажется, группа шотландских островов между Оркнейскими и Шетландскими?

— Да, все три архипелага скорее скандинавские, чем кельтские, но сейчас относятся к Шотландии.

Торсей-хаус принадлежит лэрду этих островов, и он разрешает там останавливаться своим землякам, приезжающим в Лондон. Моя бабушка родом с Торсейских островов: кухня тогдашнего лэрда, и я приезжала туда на лето, так что тоже считаюсь тамошней уроженкой. Когда осталась без крыши над головой, в Торсей-хаусе меня приняли, не задавая вопросов, за что я очень им благодарна.

— Муж выгнал вас из дому? — тихо спросил Фокстон.

— Да, — твердым голосом ответила она.

Тот день — худший день ее жизни — в памяти превратился в какой-то бушующий пожар, детали которого стерлись из памяти. Ясно помнилось лишь потрясение, ярость и боль утраты.

По дороге оба молчали. Около дверей Торсей-хауса Кенди остановилась и полезла в ридикюль за ключами, потом хотела было вежливо поблагодарить Фокстона за то, что проводил, и распрощаться, но он взглянул ей в глаза и заговорил негромко и серьезно:

— Кенди Дуглас, ваша жизнь сейчас в руинах. Гнев и горе в таком положении неизбежны и, быть может, необходимы, но рано или поздно вам придется переступить через гнев и жить дальше. Подумайте как — что для вас сейчас важнее всего и каковы могут быть первые шаги к достижению этой цели?

Эти слова, словно сверкающий клинок, прорезали смуту и рассеяли туман, царивший в ее душе. Кенди глубоко вздохнула и задумалась. Он прав: хватит оплакивать себя и злиться попусту, пора двигаться дальше.

— Пожалуй, это самый полезный совет из всех, что я слышала. Вы обмолвились, что ваша репутация тоже разрушена. Скажите, эту мудрость вы обрели, успешно справляясь с собственными проблемами?

— Да нет, — усмехнулся Лукас. — Скорее потому, что с ними-то как раз я и не справился. Если хотите, могу поведать сию скорбную повесть.

Кенди прищурилась, словно старалась, проникнув взглядом за красивые черты, рассмотреть душу этого человека. Когда-то она полагала, что неплохо разбирается в людях, но последние годы убедили ее в обратном.

И все же теперь она заставила себя поднять забрало и взглянуть в мужчину повнимательнее. Быть может, она ошибается, но, кажется, Лукас Мандевиль не похож на лгуна и заслуживает доверия... хотя бы в некоторой степени.

— Охотно выслушаю вашу скорбную повесть, причем за бокалом бренди. Если желаете, заходите в дом, и поговорим... Но не более!

— Согласен, — сказал с улыбкой Лукас.

Она отперла дверь, и они вошли внутрь. В этот час в Торсей-хаусе стояла тишина. Других гостей сейчас не было, а мистер и миссис Браун, супруги, следившие за порядком в доме, давно спали.

На узком столике в прихожей горела свеча в подсвечнике. Кенди взяла его и повела гостя в небольшую гостиную. Там она зажгла лампы, а Фокстон присел перед камином и принялся раздувать тлеющие угли. Словно настоящий шотландец, он не подчинялся условностям и не видел нужды ждать, чтобы это сделал кто-то другой.

Скоро огонь разгорелся, и Лукас, поднявшись, скинул взглядом гостиную. Стены здесь были увешаны разным шотландским оружием: целые ряды мечей, боевых топоров, кинжалов, щитов и других орудий смерти. Подойдя к кортикам, расположенным на стене полукругом, Лукас провел пальцами по лезвию одного из них.

— Шотландский, — пояснила Кенди. — Очень хорош для ближнего боя.

Он с легкой улыбкой повернулся к ней:

— Торсей-хаус готовится отражать нападение англичан?

— Ну, если они придут, мы будем готовы.

Бар с напитками был заперт, однако Кенди вложила в его содержимое немало собственных средств, так что у нее имелись ключи. Через несколько секунд на столе уже стояло два бокала хорошего французского бренди.

Кенди протянула один из них Лукасу и устроилась в мягком кресле слева от камина.

— Хотела бы я знать, как вы восстанавливали из руин собственную жизнь. Когда мы познакомились, вы были юным мичманом, рвались на войну с французами, мечтали стать адмиралом. Что же пошло не так? Почему ваше имя оказалось запятнано?

Он опустился в кресло справа от камина — высокая гибкая тень в мерцающем свете очага. Под отличным сшитым костюмом угадывалось жилистое и крепкое как сталь тело, быть может, немного исхудавшее.

— В те дни я был попросту восторженным мальчишкой. Узнав на деле, что такое Королевский флот,

потерял желание становиться адмиралом, однако любил жизнь, да и войну с французами считал делом правым и благородным, поэтому остался на флоте. В одном сражении наш корабль потопили, а мы, горстка выживших, оказались в плену. Это и привело к моему бесчестию.

— Вы... испугались? — осторожно спросила Кенди. — Я могу понять ужас при виде смертельной опасности...

Лукас пожал плечами:

— К тому времени я пережил немало морских битв, несколько раз был ранен и, можно сказать, сделался фаталистом. Нет, мой непростительный грех состоял в другом. Знаете ли вы, каковы условия пребывания в плену и что называют освобождением под честное слово?

Она на секунду задумалась:

— Пленному, освобожденному под честное слово, предоставляется свобода передвижения по городу или селению, где его держат в плену, в обмен на слово офицера и джентльмена, что он не попытается бежать. Он живет уже не в крепости, а в более комфортных условиях; кроме того, его могут обменять на вражеского пленного, равного ему по званию: лейтенанта на лейтенанта, капитана на капитана...

Кенди прикусила губу, уже догадавшись, что Лукас расскажет дальше.

— Именно так. Нарушить слово и бежать считается бесчестием. Репутация офицера, который нарушит договоренность, будет запятнана навеки — ее уже не отмыть. Приличные люди вправе плевать ему в лицо.